

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

EUROBELARUS

ЦЕНТР
ЕВРОПЕЙСКОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

Авторы:

Андрей Егоров

Оксана Шелест

Татьяна Водолажская

© МНПО «ЕвроБеларусь», Центр европейской трансформации, 2020.

МНПО «ЕвроБеларусь» и Центр европейской трансформации разрешают свободное воспроизведение отрывков из данного текста при условии, что будет указан источник и выслана копия публикации, в которой использованы отрывки из текста.

Международная неправительственная организация «ЕвроБеларусь»
Вильнюс, Литва

eurobelarus2009@gmail.com

eurobelarus.info

+370 63669149

Центр европейской трансформации
Минск, Беларусь

cet@eurobelarus.info

cet.eurobelarus.info

+375 29 6185388

Содержание

Введение	3
Анализ ситуации	3
Формулировка проблемы.....	6
Описание результатов исследования	8
1. Взаимодействие секторов: формы и барьеры	8
2. Беларусский социум: новые идентичности и группы.....	12
Структура общества.....	12
Самоидентификация: переосмысление традиционных и новые статусы	13
ИТ-сообщество	15
Новые «публики»	17
3. Области динамичного развития и драйверы изменений	18
Выводы и обобщения	23
Об авторах	27

Введение

Анализ ситуации

Беларусская общественно-политическая ситуация характеризуется тотальным доминированием государства как субъекта действия в большинстве сфер жизни общества. В 2005 году в своих аналитических материалах мы описывали это в тенденциях вертикализации власти и огосударствления всех сфер общественной жизни. Однако эти тенденции не абсолютны и, приводя к маргинализации других субъектов общественного развития, не приводят к полной «зачистке» общественного поля. Авторитарная система стремится к полному исключению других субъектов из сферы политики, но оставляет островки (в белорусском случае — небольшие) для свободного проявления удаленной от политики общественной активности. Такое положение дел объясняется не только тем, что у государства недостаточно ресурсов для полного подавления гражданского общества, но и необходимостью поддержания некоторого уровня общественной активности (безопасного для государства). Такая активность необходима для оптимизации затрат: компенсации неполноты государственной системы удовлетворения общественных потребностей, поддержания самостоятельного решения проблем обществом (что дешевле для государства), поддержания градуса политической мобилизации (во время электоральных кампаний) и т.д. Но любые авторитарные системы и сами нуждаются в развитии, а значит, и во вкладе общественной энергии.

Гражданское общество («третий сектор») концентрирует часть этой энергии, но в силу продолжительной маргинализации его действия ограничены и оно вытеснено из практик национального масштаба. В то же время, с 2010-2012 годов начинается новый этап общественных трансформаций в Беларуси. Его характеристиками являются: а) появление новых тематических направлений общественной активности (урбанистика, региональное развитие, новые низовые инициативы, новые медиа и т.п.); б) активизация некоторых старых сфер общественной активности (экология, сектор «фабрик мысли», ассоциации предпринимателей); в) появление частного бизнеса как публичного «вкладчика» в общественное развитие (одновременно субъекта и актора в поле общественных инициатив, а также донора для общественных инициатив); г) формирование новых практик поиска ресурсов на общественные инициативы внутри страны, не полагаясь полностью на ресурсы внешних доноров и *development cooperation**; д) появление новой плеяды общественных лидеров и активистов с обновленным взглядом на общественную деятельность, технологии и методы коммуникации в данной сфере (например, Глеб Лободенко, Павел Белоус и др.)¹.

С 2010-2012 годов начинается рост инициатив бизнеса, ориентированных на поддержку общественной деятельности либо возникающих на стыке общественной деятельности и бизнеса. Здесь следует отметить: распространение идей корпоративной социальной ответственности (КСО), активно продвигаемых Фондом

* Сотрудничество в целях развития (англ.).

¹ См.: Оксана Шелест, Андрей Егоров, Ольга Смолянок. **Гражданское общество Беларуси: актуальное состояние и условия развития (2015-2017)** (ЦЕТ и Lawtrend по инициативе Беларуской национальной платформы ФГО ВП, 2018): https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/DOC/1/2018_Civil-Society-Belarus_RU.pdf.

«Идея» (начал работу в 2011 году²; с 2013 года выступал организатором премии за лучшие бизнес-проекты в сфере КСО); появление Центра визуальных и исполнительских искусств «АРТ Корпорейшн» при поддержке «Белгазпромбанка» (2010)³; инвестирование бизнеса в конкурсы социальных проектов (например, с 2013 года — в конкурс социальных проектов *Social Weekend*⁴); открытие бизнес-клуба/стартап-хаба *Imaguru* при поддержке *EPAM Systems* (2012)⁵; развитие экосистемы поддержки стартапов⁶; появление различных совместных инициатив бизнеса и общественных организаций: *Internet Governance Forum*⁷, *Open Data Belarus*⁸ и т.п. Частично в этот же тренд можно включить краудфандинговые платформы: «МаеСэнс» (2010)⁹, «Талака» (конец 2014 года)¹⁰, «Улей» (начало 2015 года)¹¹, некоторые из которых начинались при поддержке бизнеса.

Дополнительным фактором в появлении новых инициатив в общественном секторе стала быстро распространяющаяся технологическая революция и дигитализация. Это повлияло на попадание в повестку дня общественного сектора ряда вопросов, связанных с технологическими изменениями (открытые данные, защита персональных данных, электронные сервисы и т.д.), распространение в среде общественных инициатив некоторых форм работы, заимствованных из ИТ-среды (хакатоны, митапы и т.д.), выход ИТ-сообщества в решение социально-значимых задач, появление новых форм участия и влияния на принятие решений (электронные петиции (например, «Удобный город» — *Petitions.by*), информационные сервисы (например, «Мая Рэспубліка» — 115.бел)).

Отдельное значение имеет изменение геополитического контекста после 2014 года. Такие события, как оккупация Крыма Россией и российская агрессия на востоке Украины, а также разворачивание Россией информационной и консциентальной войны в отношении своих соседей, вызвали озабоченность как в общественном секторе, так и в государственной среде Беларуси. Попытки заигрывания белорусских властей с национальной тематикой и либерализация условий деятельности культурных инициатив получили

² См.: В Беларуси начал деятельность Международный социально-экономический фонд «Идея» (Marketing.by, 29.07.2011): <https://marketing.by/novosti-rynka/v-belarusi-nachal-deyatelnost-mezhdunarodnyy-sotsialno-ekonomicheskii-fond-ideya/>.

³ См.: Центр визуальных и исполнительских искусств «АРТ Корпорейшн», <https://artcorporation.by>.

⁴ См.: Конкурс социальных проектов *Social Weekend*, <https://socialweekend.by>.

⁵ См.: *Imaguru*. Бизнес-клуб/Startup hub, <https://imaguru.by>.

⁶ См.: **Стартапы Беларуси.** Отчет по итогам исследования в рамках проекта *AID Venture* по развитию венчурной экосистемы Беларуси при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) (*Bel.biz*, 2018): https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

⁷ См.: *Belarus IGF*. Форум по управлению интернетом: открытый диалог о развитии Байнета, <https://igf.by>.

⁸ См.: Сообщество «Открытые данные Беларуси», <https://opendata.by>.

⁹ См.: Антон Трафімовіч. Чаму закрылі «Мае сэнс», які сабраў мільён даляраў на сацыяльныя праекты? (Радые Свабода, 30.05.2018): <https://www.svaboda.org/a/29259734.html>.

¹⁰ См.: Краудфандинговая платформа «Талака», <https://www.talaka.org>.

¹¹ См.: Краудфандинговая платформа «Улей», <https://ulej.by>.

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

название «мягкой беларусизации». Это несколько расширило поле разрешенной деятельности для общественных инициатив¹².

Развитие Парка высоких технологий (ПВТ) и ИТ-компаний^{**} в Беларуси в целом делает заметными и их инициативы общественного (или близкого к ним) характера. В частности, в конце 2014 года — начале 2015 года открывается Бизнес-инкубатор ПВТ¹³, в 2016-2017 годах начинается активность отдельных бизнесменов в области образования (например, Леонида Лознера, Сергея Бруя, Александра Чекана, Дмитрия Гурского, Дениса Алейникова в рамках Ассоциации «Образование для будущего»¹⁴), некоторые из них начинают поднимать вопрос создания ИТ-университета (в частности, Леонид Лознер и Виктор Прокопеня). Такие крупные ИТ-компании, как EPAM Systems и Wargaming, сотрудничают с белорусскими вузами, поддерживая некоторые кафедры¹⁵. Активно, начиная с 2010 года, в области КСО продвигается мобильный оператор velcom/A1¹⁶.

Важной инициативой в этом ряду, порожденной ИТ-бизнесом, является концепция «ИТ-страны»¹⁷ Игоря Мамонко как проявленная политическая инициатива трансформации в национальном масштабе (это, кажется, единственная инициатива, предлагающая концепцию комплексных изменений для всей страны, во всех областях: от управления до изменения структуры занятости). Найдя ограниченное понимание со стороны белорусских властей, Игорь Мамонко начал низовое распространение своих идей в регионах в сотрудничестве с бизнес-ассоциациями (в частности, с Республиканской конфедерацией предпринимательства)¹⁸.

Отмеченные тенденции позволяют допустить возможность социально-политических трансформаций в Беларуси не путем смены действующей власти, а за счет формирования достаточно масштабных и значимых по своему влиянию инициатив во «втором» (бизнес) и «третьем» (гражданское общество) секторах, которые со временем будут способны «вытеснить» и «заменить» государственное влияние в большинстве значимых

¹² См.: Мониторинг реализации Республикой Беларусь Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (ЦЕТ, 2015): http://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/CET/2015_Convention_UNESCO-Monitoring.pdf; Мониторинг реализации Республикой Беларусь Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения (2019) (ЦЕТ, 2019): https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/CET/2019_Convention_UNESCO-Monitoring_RU.pdf.

^{**} Информационно-технические компании (англ.).

¹³ См.: Бизнес-инкубатор Парка высоких технологий, <http://www.park.by/cat-31/>.

¹⁴ См.: Ассоциация по содействию развитию образовательных инициатив в области точных наук и высоких технологий «Образование для будущего», <http://edu4future.by>.

¹⁵ См., например: Татьяна Карюхина. «Компаниям приходится доучивать вчерашних студентов. И это нормально». EPAM запускает бесплатные онлайн-курсы для тех, кто хочет в ИТ (dev.by, 23.05.2019): <https://dev.by/news/epam-online>; Объявлен конкурс на соискание грантов «Стипендии Wargaming» (Факультет РФИКТ БГУ, 12.04.2019): <https://rfe.bsu.by/novosti/~showNews/wargaming-bsu-konkurs-2019>.

¹⁶ См.: О компании. Корпоративная социальная ответственность (A1): <https://www.a1.by/ru/company/>.

¹⁷ См.: Проект «ИТ-страна», <https://it-strana.by>.

¹⁸ См., например: Опубликована программа первого международного Форума «ИТ-Страна» («Компьютерные вести», 20.11.2019): <https://www.kv.by/post/1058158-v-minske-proydet-pervyy-respublikanskiy-forum-it-strana>.

сфер жизни общества (Иван Сухий на Форуме «Место встречи: будущее» назвал этот процесс «обтеканием»¹⁹).

Формулировка проблемы

Проблемность ситуации состоит в том, что представители инновационного бизнеса и «третьего сектора» имеют очень ограниченное поле взаимодействия. Оно связано, в основном, с поддержкой отдельных инициатив, причем в довольно узком тематическом спектре. Попытки выхода на более высокий уровень совместного обсуждения планов и программ развития не приносят особого успеха. Даже встречаясь на общих диалоговых площадках лидеры общественного сектора и инновационных бизнесов не находят практических точек соприкосновения в обсуждении вопросов национального масштаба²⁰. Дополнительной рамкой анализа проблем, которые возникают в организации взаимодействия разных акторов, служит концепция «трех миров» белорусского философа и методолога Владимира Мацкевича²¹, которая ставит вопрос взаимодействия представителей «первого мира» (людей, включенных в глобальную инфраструктуру производства и потребления) и представителей «второго мира» (тех, кто мыслит проблемы национального масштаба и озабочен, соответственно, развитием конкретной страны).

В общем виде практический вопрос можно сформулировать следующим образом: **«Можно ли надеяться на то, что взаимодействие «третьего» и «второго» секторов приведет к ситуации, когда они начнут задавать тренды развития страны, минуя («обтекая») государство?»**

В поисках ответа на этот вопрос команда «Евробеларуси»/Центра европейской трансформации²² задумала и провела пилотное исследование, призванное прояснить имеющееся поле игроков, их установки, намерения, ориентиры, степень готовности к общим действиям и тематические зоны для подобного сотрудничества.

Целью исследования было получить представление о сферах и форматах возможного взаимодействия инновационного бизнеса и общественных инициатив, а также о факторах, способствующих и препятствующих такому взаимодействию.

¹⁹ См.: «Беларусь-2050». Панельное выступление: Иван Сухий (Форум «Место встречи: Будущее», 15.04.2018): <https://youtu.be/hGe8MvMJ-uY?list=PLBAnu4YEjPOIG1j7dBSjV0aQexd4bWdp->.

²⁰ Здесь можно вспомнить Форум «Место встречи: будущее» (Минск, 14-15 апреля 2018 года), попытки обсуждения образовательных инициатив, исходящих из ИТ-сектора, публичную коммуникацию по вопросам развития страны в СМИ и т.д.

²¹ См.: Владимир Мацкевич. **Глобальное потепление после холодной войны** (Летучий университет, 16.11.2017): <http://fly-uni.org/stati/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoj-vojny/>.

²² См.: МНПО «Евробеларусь», <https://eurobelarus.info>; Центр европейской трансформации: <https://cet.eurobelarus.info>.

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

Для достижения этой цели мы попытались решить следующие задачи:

- 1) Построить описание «картин мира» субъектов взаимодействия: как они представляют себе устройство белорусского общества, действующих в нем акторов, а также зоны потенциального развития;
- 2) Определить тематические сферы, где возможна плодотворная кооперация между общественными инициативами и бизнесом, а также «закрытые» для кооперации зоны;
- 3) Определить факторы, усиливающие или ограничивающие потенциал кооперации.

Эмпирической базой исследования стали **данные из открытых источников** (публичные выступления, интервью, исследования), а также результаты **25 полуструктурированных интервью**, проведенных исследовательской командой. Интервью проводились в **сентябре-ноябре 2019 года**. В качестве респондентов выступали представители инновационного бизнеса или бизнеса, поддерживающего инновации, разного рода инициатив на стыке бизнеса и «третьего сектора», а также те, кого можно рассматривать как экспертов, коммуникаторов или посредников в выбранной сфере. Очень условно мы назвали респондентов нашего исследования **«инноваторами»**, имея в виду, что это люди, которые сегодня находятся на фронтире развития своих областей деятельности или «прорастания» новых трендов в Беларуси.

В исследовании приняли участие (на условиях анонимности) представители Ассоциации «Технологии Распределенных Реестров», сообщества бизнес-ангелов *Angels Band*, акселератора *StartUpON*, культурного пространства «Корпус», Центра визуальных и исполнительских искусств «Арт Корпорейшн», проекта *dev.by*, Ассоциации компаний коммуникационных консультантов (АККК), кампании «БелХард», Ассоциации «Образование для будущего», проекта «Учитель для Беларуси», инвестиционной компании *Bulba Ventures*, сообщества «Открытые данные Беларуси», краудфандинговой платформы «Улей», конкурса социальных проектов *Social Weekend*, *IT Princess Academy*, мастерской-клуба «Минский хакерспейс» и др.

Описание результатов исследования

1. Взаимодействие секторов: формы и барьеры

Одно из традиционных представлений об общественном устройстве, на базе которого программировалось и данное исследование, состоит в делении его на три сектора: государство («первый сектор»), бизнес («второй сектор») и гражданское общество («третий сектор»). Это разделение в среде белорусских «инноваторов» воспринимается чаще всего не как функциональное и сущностное (т.е. как разные формы включения человека в общественную жизнь), а исключительно как принадлежность к определенным организационно-правовым формам. И в таком восприятии подвергается критике. Довольно часто можно встретить утверждения, что разграничивать секторы не имеет смысла, потому что *«не важно, из какого ты сектора, везде есть люди адекватные и люди неадекватные»*^{*}.

Вместе с тем, часто подчеркивается разность «языков» и интересов субъектов из разных секторов. При этом установки бизнеса в этом отношении примерно таковы: с одной стороны, *«с государством надо разговаривать на его языке»*, т.е. находить прагматические основания для своих предложений в их логике (экономическая прагматика, возможность выполнить за счет привлечения частных средств или ресурсов задачи или показатели госпрограмм и т.п.). С другой стороны, когда речь заходит о гражданском обществе (понимание которого чаще всего сводится к совокупности НГО), то речь идет о том, что НГО должны говорить на языке бизнеса для того, чтобы вступить во взаимодействие. Эта «языковая проблема» четко проявляет характерную для нашей ситуации асимметрию заинтересованности во взаимодействии: бизнес заинтересован во взаимодействии с государственными структурами (обратное — чаще всего неверно), НГО заинтересованы во взаимодействии с бизнесом и государством (часто без особой взаимности).

Признается, что любое принятие масштабных или системных решений относительно условий ведения бизнеса, предпочтений, совместных программ (на уровне отрасли, например) возможно только через сильный лоббизм. На более низком уровне основная стратегия взаимодействия с государственными структурами основана на том, что *«все завязано на персоналиях»*. То есть, для решения конкретной проблемы или развития конкретного направления нужно найти индивидуальный подход к конкретному чиновнику, и это воспринимается как нормальная ситуация. Случаи проблематизации подобного типа отношений как низко эффективных единичны и характерны как раз для тех, кто попал в процесс интенсивной системной работы с государственными органами. Тогда можно встретить сожаления о том, что *«нет институционализированного трека и все время приходится крутиться в колесе персональных отношений»*. В отдельных случаях утверждается также, что *«государство заинтересовано в ассоциациях — в тех сферах, где действительно готово разговаривать с бизнесом, тогда для них проще иметь с той стороны один голос, а не разногласицу»*.

Общая оценка работы системы государственного управления в Беларуси чаще всего строится в терминах архаичности и неспособности к развитию (*«наше государство — уходящая натура»*). При этом большинство деятелей инновационного бизнеса стремится максимально дистанцироваться от обсуждения и анализа

^{*} Здесь и далее кавычками и курсивом выделены цитаты из ответов респондентов, полученных в ходе исследования (прим. ред.).

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

неэффективности государственного управления. Оно воспринимается как данность, условия задачи, ситуация, в которой нужно построить свое дело.

Пожалуй, здесь лежит одно из основных различий в отношении и коммуникативных стратегиях бизнеса и организаций гражданского общества (ОГО). Беларусские ОГО часто действуют, основываясь на представлениях о долженствовании (государство должно выполнять определенные функции, обеспечивать определенные процессы, быть прозрачным и транспарентным и т.д., и т.п.), и на этом основании строят действия и коммуникацию. Бизнес же основывается на представлении о существующем, исходя из сложившегося статус-кво, дистанцируется от конфронтационной риторики, не приемлет ничего в залоге позиционных или функциональных требований, работает с интересами, а не обязанностями.

Это выглядит немного парадоксальным, но в «картине мира» НГО государство выглядит как «свое» (пусть плохое или несовершенное, требующее критики и изменений), а в «картине мира» бизнеса оно становится неким внешним, «чужим». Возможно, дело в более четком разделении гражданской и деятельностной позиций, которые у деятелей ОГО по определению «сливаются», однако в рассуждениях представителей белорусского бизнеса отстраненность от вопросов и проблем, связанных с государственным устройством, очень высока.

Понятно, что разность этих подходов обусловлена разностью задач и условий деятельности бизнеса и НГО, однако она приводит к тому, что большинство белорусских НГО просто не попадает в матрицу восприятия тех, кто работает в таком подходе.

«Инноваторы» от бизнеса считают, что они хорошо осведомлены о белорусском «третьем секторе», однако для большинства из них эта осведомленность сводится к знанию инициатив и ассоциаций, которые вышли из бизнеса же либо работают с ним, как с основным объектом. Хорошо известны Фонд «Добра», конкурс социальных проектов *Social Weekend*, проект «Имена», упоминается РОО «Перспектива» во главе с Анатолием Шумченко. Почти не вспоминаются конкретные бизнес-ассоциации, только в общем, как класс. Те, кто работает либо близок к ИТ-сфере, называют Ассоциацию «Образование для будущего». У «инноваторов», работающих с культурой и образованием, круг представлений об ОГО шире, для них важны площадки (ОК16, Галерея «Ў», Культ. центр «Корпус») и более широкий круг общественных организаций разных тематических направлений.

Если вспомнить исследования, которые мы проводили в среде НГО²³, то там мы имеем в некотором смысле симметричную ситуацию восприятия. В последние годы беларусские НГО стали прилагать гораздо больше усилий для поиска партнеров внутри Беларуси, в первую очередь, с целью обеспечивать свою деятельность за счет внутренних ресурсов. Однако представление о белорусском бизнесе у гражданских активистов и деятелей НГО часто столь же «обобщенное», как и у бизнеса о «третьем секторе», и строится в парадигме социальной ответственности бизнеса.

Социальная ответственность бизнеса — тема, про которую в Беларуси говорят довольно много, однако говорят очень по-разному. В 2017 году ОО «Дискуссионно-аналитическое сообщество «Либеральный клуб» провело небольшое исследование, посвященное анализу взгляда белорусского бизнеса на вопросы

²³ См., например: Оксана Шелест, Андрей Егоров, Ольга Смолянюк. **Гражданское общество Беларуси: актуальное состояние и условия развития (2015-2017)** (ЦЕТ и Lawtrend по инициативе Белорусской национальной платформы ФГО ВП, 2018): https://cet.eurobelarus.info/files/userfiles/5/DOC/1/2018_Civil-Society-Belarus_RU.pdf.

спонсорства и меценатства, и обнаружило широкий спектр интерпретаций даже этих простейших понятий в бизнес-среде²⁴.

Практики некоммерческой деятельности бизнеса настолько многообразны, что трудно свести их к некому общему знаменателю. Это широкий спектр, начиная от простейших форм благотворительной или иной безвозмездной помощи, деятельности *pro bono*^{**}, спонсорской помощи, до стратегий корпоративной социальной ответственности (КСО) больших компаний и социальных, культурных, образовательных инициатив, запускаемых бизнесом самостоятельно или во взаимодействии с государственными и некоммерческими организациями.

Общественные организации чаще всего строят свою коммуникацию с бизнесом на фундаменте представлений о социальной ответственности бизнеса, однако это далеко не универсальный ключ к успеху. Беларусский бизнес очень разнообразен не только по своему размеру, но и по деловой культуре, нормам и представлениям самих владельцев бизнеса. Если для бизнеса, который является частью международных корпораций или сетей в Беларуси, стандарты КСО зафиксированы нормативно, то для большинства беларусских бизнесменов само понятие социальной ответственности бизнеса является привнесенной идеологией с не вполне понятным содержанием.

Кроме того, беларусский бизнес выглядит изначально «уставшим» от «ответственности» и того, что он «*все время кому-то что-то должен*». Бизнесмены еще не забыли общее «постсоветское» отношение к бизнесу и предпринимательству в беларусском обществе, перелом в котором произошел не так давно (5-10 лет — не очень большой срок для изживания «стигмы»). Беларусское государство рассматривает бизнес как «дойную корову», используя его ресурсы в решении своих задач, и разговоры о социальной ответственности в этой ситуации нередко начинают восприниматься как еще один способ побора и не более того. Поэтому важным риторическим моментом для тех, кто занимается «стимулированием» бизнеса к социальной ответственности, выступает апелляция не к долгу и обязанности, а к интересам и возможностям: бизнес ничего не должен, но все может, особенно если поймет свой интерес или найдет ценность в тех или иных социальных проектах.

Тем не менее, некоммерческая деятельность бизнеса в Беларуси набирает обороты, хотя законодательные рамки по-прежнему скорее сдерживают, чем стимулируют развитие этого тренда.

В упомянутом выше исследовании «Либерального клуба» в том числе анализировались факторы, способствующие или препятствующие развитию КСО. В качестве позитивных факторов были отмечены:

- переход беларусского общества от атомизированного состояния к более инклюзивному и гуманному, рост прослойки проактивных граждан в Беларуси, готовность людей к вовлечению и отклику;
- общественный запрос: наличие заметных и актуальных социальных проблем, о которых все говорят;
- появление громкой «народной» истории (ФК «Крумкачы», проект «Имена»);

²⁴ См.: Вадим Можейко. Как стимулировать развитие меценатства и корпоративной социальной ответственности в Беларуси. Взгляд бизнеса («Либеральный клуб», 2017): <http://liberalclub.biz/wp-content/issledovanija/30-06-2017.pdf>.

^{**} Безвозмездно, на общественных началах (*лат.*).

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

- распространение успешного зарубежного опыта и практик в процессе глобализации и дигитализации, повышение открытости страны, более частые поездки белорусов по миру;
- наработка успешного белорусского опыта, историй коллег;
- патриотизм.

В качестве препятствий представители белорусского бизнеса называли:

- экономические трудности (*«КСО растет, когда есть деньги»*, *«как в самолете: сперва наденьте маску на себя»*);
- отсутствие культуры демонстрации богатства, в том числе, в виде крупных пожертвований;
- недостаточная осведомленность бизнеса и общества о сути КСО, порой негативное общественное мнение об оказании помощи как уходе от налогов;
- отсутствие в Беларуси представительств глобальных фондов, которые могли бы привносить культуру благотворительности;
- искусственная политизация вопросов оказания безвозмездной помощи, в первую очередь, анонимной и/или из-за рубежа;
- малая база громких успешных проектов в сфере меценатства/КСО;
- небольшая история развития бизнеса в Беларуси (*«КСО — это новый виток, зрелость компании»*);
- сложности коммуникации и кооперации с творческими людьми, нахождения общего языка с бизнесом.

За прошедшее с момента проведения исследования время большинство из этих факторов не утратили своего значения, однако понимание границ и возможностей бизнеса в некоммерческих проектах довольно сильно расширилось.

В первую очередь, это все больший переход от разовых акций, благотворительности и спорадического участия в тех или иных общественных инициативах к неким системным «вкладываниям» и программам. Понятно, что к большим программам некоммерческой деятельности способен только крупный бизнес (которого, если исключить сильно аффилированный с государством бизнес, в Беларуси не так много). Однако даже небольшие кампании стали использовать инструменты КСО, в том числе и как часть собственной кадровой политики или работы с имиджем/брендом, повышая таким образом осмысленность и последовательность собственных действий за рамками чисто бизнес-деятельности.

Не очень быстро, но растет количество проектов, которые можно назвать «гражданской инициативой бизнеса». Это когда корпорация сама становится центром экспертизы, и сама или в партнерстве становится источником социальной инициативы. Игроков, способных на такое, не так много: на сегодняшний день это крупные мобильные операторы (МТС, *velcom/A1*) и — в последнее время все больше — банки (обращает на себя внимание: систематическая деятельность «Белгазпромбанка» в области искусства; деятельность «Белинвестбанка» и «Белагропромбанка», которые имеют если не программы, то серию действий в направлении гендерного равенства; реализация «БПС-Сбербанком» проекта «Учитель для Беларуси» как переход от разовых акций поддержки школ к консолидированной программе).

Очевидно, что взаимное «расколдовывание» секторов могло бы дать хороший эффект для интенсификации взаимодействия и появления новых инициатив в разных сферах. Пока встречи «разномирцев» случаются либо окказионально, либо посредством отдельных людей, переходящих из сферы в сферу или связывающих разные сферы, либо когда определенные субъекты начинают искать партнеров под конкретную задачу. Развитие инфраструктуры неформальной коммуникации или хотя бы «проявление», усиление «видимости» разных игроков друг для друга могло бы интенсифицировать эти процессы, однако для этого нужен поиск неких новых форм, которые позволяли бы обеспечивать такую коммуникацию и визуализацию.

Однако этот поиск скорее всего надо вести не в направлении усовершенствования межсекторальной коммуникации и взаимодействия, поскольку модель трех секторов на сегодняшний день не представляется функциональной и скорее ограничивает возможности взаимопонимания и кооперации, чем развивает их. Результаты исследования говорят о том, что сегодня складываются новые представления о социальной структуре и идентичности, которые не соотносятся с традиционными схемами, а значит, делают их использование в практических действиях неэффективными.

2. Беларусский социум: новые идентичности и группы

Современное общество (и беларусское в том числе) очень трудно описывается через структурные категории; понятия классов, страт, секторов утрачивают свое значение, если вы пытаетесь дать некое целостное описание. При отсутствии четкой структурированной картины общества можно наметить некоторые координаты или ключевые различия, которые используются, чтобы понимать, описывать и ориентироваться в среде. В этом блоке мы попробуем описать, какими координатами и различиями пользуются «инноваторы» в построении своих «картин мира», а также обозначить новые типы идентификаций и сообществ, которые возникают в Беларуси сегодня в связи или «около» динамично развивающихся сфер.

Структура общества

Попытки как-то описать беларусское общество в разговоре с «инноваторами» приводят к тому, что предлагается некий критерий разделения людей «на две неравные части», почти по Стругацким, одна из которых непременно и навсегда обгоняет вторую*. Что показательно, в качестве такого критерия предлагаются исключительно человеческие качества: амбиции, активность, способность авторского отношения к своей жизни, способность отвечать за свои решения, готовность пробовать новое, «*посмотреть сверху*», преодолеть притяжение среды.

Интересно, что «количественные» характеристики этих двух групп часто совпадают — в большинстве случаев называется соотношение близкое к «20 на 80», т.е. утверждается, что «обгоняющая», «прогрессивная» группа в беларусском обществе составляет 15-25%.

* Имеется в виду отсылка к «Меморандуму Бромберга», гласящему: «Человечество будет разделено на две неравные части по неизвестному нам параметру, причем меньшая часть форсированно и навсегда обгонит большую», из повести Аркадия и Бориса Стругацких «Волны гасят ветер» (прим. ред.).

Есть еще две «большие» структурные координаты, которые «делят» Беларусь. Это разделение на «Минск и регионы», по критерию глубокого разрыва в уровне и образе жизни, скорости и наличии условий для развития. И разделение на «государственное—негосударственное» по критерию прогрессивности. Государственное управление, госсектор в экономике, государственная политика в области образования, культуры, технологий описываются как архаичные либо деградирующие, противопоставляются негосударственному (без дополнительных внутренних разделений), как той области, где только и возможно развитие в Беларуси. Даже пресловутый Декрет № 8, который стал значимым событием для всех инновационно емких областей в Беларуси, не изменил отношения к государственным институтам, поскольку однозначно воспринимается как результат лоббирования самого бизнес-сообщества, а не как результат деятельности властей.

«Целостные» описания общества строятся скорее через функциональные схемы. Например: *«для полноценного функционирования общества должны быть уравновешены власть, капитал и интеллект. У нас же государство подчинило и практически угробило бизнес и интеллектуальную элиту как таковые»*. Но чаще всего такие описания замыкаются на круге собственного взаимодействия или на описании необходимых для деятельности элементов социальной структуры (например, так описывают мир те, кто работает с экосистемой стартапов, и надо отметить, что этот мир имеет лишь частичное отношение к Беларуси как таковой).

В таких описаниях появляется много групп, или «прослоек»: «айтишники», «стартаперы», «проводники», «криэйторы», «адукаторы» (те, кто занимается образовательными проектами; в данном случае, в основном, образованием для ИТ, иногда — бизнес-образованием). В отдельный класс выводятся «чиновники», которые характеризуются одновременно консервативностью и высокой статусностью.

В качестве «прогрессивных групп» чаще всего называются, конечно же, айтишники и (скорее, нормативно и с некоторым сомнением) молодежь (*«так же должно быть, поэтому, наверное, так и есть»*). Подчеркивается «вынужденная» прогрессивность и инновационность бизнеса, который должен пробовать новое, поскольку только в таком случае имеет шансы на прибыльность и успешность. Очень редко среди «прогрессивных» сил упоминаются общественные объединения. Оценка влияния гражданского общества в Беларуси в целом довольно скромная, ОГО распознаются скорее как проводники каких-то программ и задач в социальной сфере, подчеркивается рост локальных инициатив (вокруг неких интересов или местных задач, организации жизни людей) как позитивный процесс, который может привести к развитию гражданского общества (в отдаленной перспективе). Однако на сегодняшний день инновационный бизнес не видит ОГО (ни в качестве отдельных организаций, ни в качестве сектора) в качестве «значимого другого», не видит в поле инициатив и организаций гражданского общества выраженной субъектности с собственными ценностями, программами, представлениями о развитии.

Самоидентификация: переосмысление традиционных и новые статусы

Идентификация себя с социальной группой или каким-либо сообществом оказалась для «инноваторов» одним из самых сложных вопросов, а для исследовательской группы — одной из самых интересных областей для анализа. Трудности, как правило, вызваны двумя обстоятельствами: 1) либо у человека несколько «равнозначных» для него идентичностей (ценностная, дисциплинарная, профессиональная, корпоративная), которые в равной степени важны для него и влияют на его жизнь, образ мыслей и движения, 2) либо ни одна из профессиональных или деятельностных позиций, которые он занимает, не

схватывает некоего общего «стержня», основного качества, которое он считает важным, «несущим», собирающем различные идентификации и типы деятельности.

Можно обозначить два разных способа определения себя в этих обстоятельствах. Первый — перечислительный: либо восстановление собственной «истории» через смену профессиональных или деятельностных статусов, либо обозначение набора разнотипных идентификаций, более-менее «собирающих» ценностный образ (феминистка, директор благотворительного фонда, менеджер; правозащитник, юрист, исследователь; физик, айтишник, предприниматель). Второй — попытка нахождения «общего знаменателя», который характеризует скорее тип мышления и образ действия, чем связан с конкретной профессиональной или предметной определенностью. В качестве таких «непрофессий» чаще всего выводятся определения себя как «менеджера» или «предпринимателя». Отдельно оговаривается, что имеются в виду не *«те предприниматели, про которых закон написан»*, и не те менеджеры, *«которых на работу нанимают»*, а способ мышления, восприятия и работы с внешним миром.

Еще одна довольно интересная самоидентификация, которая появляется в таком процессе «поиска общего», связана с коммуникативной деятельностью на границах и пересечениях разных групп, секторов, слоев общества. *«Суперконнектор»*, *«точка сборки»*, *«коммуникатор»*, *«профессиональный дилетант»* — такими именами описывается роль человека, который способен свести субъектов из разных областей деятельности, которые имеют или потенциально могут иметь общие интересы, обеспечить «перевод» с одного «классового» языка на другой (с *«языка культуры на язык менеджмента»* или с *«языка общественников на язык бизнеса»*), обеспечить первоначальный контакт, который потом вырастает в плодотворное взаимодействие.

Такая самоидентификация характерна либо для людей, которые занимаются коммуникацией и пиаром профессионально, либо для тех, кто совмещает на себе (параллельно или последовательно) деятельность и проекты в разных секторах (чаще всего, бизнес и НГО). Проницаемость границ разных секторов, интенсификация межсекторной коммуникации и мобильности в последние годы подчеркивалась многими респондентами исследования. Это выражается и в появлении инициатив, которые находятся на границах секторов или совмещают в себе разные компоненты (коммерческий и некоммерческий аспект — чаще всего), и в переходах отдельных успешных людей из одного сектора с другой, и в повышении интенсивности кооперации между государственными, коммерческими и общественными субъектами и инициативами.

Вообще, опыт деятельности в разных сферах и секторах часто подчеркивается как позитивная характеристика, критерий успешности человека. Популярны *success story*^{**}: о людях из бизнеса, которые пришли в существующие или создали с нуля общественные или культурные инициативы; о переносе социального капитала и опыта работы в государственном секторе в бизнес; связывания академической среды и сферы культурного производства через отдельных персон и т.п. Как свой, так и чужой успех в таких случаях объясняется именно привнесением компетенций и правил из другой среды и способностью реализовать их в новой ситуации либо способностью связать две разные области с помощью социального капитала и «билингвизма» «переносчика».

^{**} История успеха (англ.).

Такая «пограничность» и возможность двигаться в рамках разных областей и секторов, с одной стороны, соответствует самому характеру «инновационного», когда новое появляется на стыке или пересечении — разных типов знания, разных способов действия, разных нормативных и организационных порядков.

С другой стороны, важность социального капитала и большой потенциал успешности людей, которые имеют способность и возможность связывать собой разные сферы, обостряется из-за деформации институциональных отношений в Беларуси. Об этом интересным образом свидетельствуют восприятие вопросов о структуре общества, делении его на секторы, размышления о вопросах развития страны и государства. На первый план выходит пресловутый «человеческий фактор»: не так важно, кто в каком секторе, сфере или нише — важны личные качества, характеристики и компетенции человека. Отсутствие прописанных и при этом действенных механизмов взаимодействия разных секторов, низкий уровень институционального доверия приводит к повышению важности персональных связей, знакомств, контактов. И речь идет не о коррупционных или иных противозаконных историях, а о вполне легальной и взаимовыгодной кооперации и взаимодействии.

Вместе с высокой (даже несколько гипертрофированной) важностью межсекторных контактов и переходов мы наблюдаем довольно слабые и неустойчивые групповые идентификации. Сообщества, группы, которые можно описать как «свои», имеют чаще всего весьма неопределенные характеристики и размытый характер. В принципе, большинство тех, кто ассоциирует себя с бизнесом и предпринимательством, говорит о наличии бизнес-сообщества, но при этом часто подчеркивается его аморфность и разнородность. Бизнес-ассоциации, которых за эти годы появилось немало, не оказывают серьезного влияния на развитие сообщества, в том числе потому, что испытывают большие проблемы со временем, которое бизнесмены готовы тратить на «общественную» деятельность. Конкурс «Предприниматель года», существование «Ротари-клуба» и подобных вещей укрепляют внутреннюю идентификацию белорусского бизнес-сообщества, однако этого явно недостаточно.

В принципе, это выглядит достаточно логично: в мире, где ценится мобильность во всех смыслах, «обрастать» прочными групповыми идентичностями нерационально, если в принципе возможно. Поэтому идентификация с профессиональными или институциональными группами трансформируется в идентификацию с «проектами», а основным способом взаимодействия становятся «коллаборации» — изначально временные объединения разных субъектов для достижения конечных задач.

Более-менее выраженным сообществом, с которым легко идентифицироваться и которое в то же время имеет выраженные внутренние связи, коммуникацию, свой поведенческий «этнос», можно назвать сообщество «айтишников». Это особенно интересно, учитывая сравнительную «молодость» этой профессиональной самоидентификации, в сравнении с другими.

ИТ-сообщество

Кроме прогресса в развитии ИТ-сферы, большинство респондентов исследования отметило и появление нового качества связей, которые наполняют эту сферу. Довольно часто говорилось о появлении ИТ-сообщества, не просто как о сумме занятых в отрасли или профессиональном сообществе, основным объединяющим стержнем которого является профессиональная коммуникация и интересы, а как о некоем новом «классе».

Фактором формирования этого нового качества стали как раз общественные дискуссии и разного рода медийные поводы в 2017-2018 годах, т.е. в период разработки и принятия Декрета № 8 и сразу после этого события. В период подготовки декрета было много апелляций к интересам сектора, его роли, назначению, лоббисты декрета выступали от имени сектора и представляли его интересы. Поскольку процесс был достаточно длительным и публично обсуждаемым, принятие декрета стало не просто очередной (хоть и очень выгодной для включенных в сектор субъектов) законодательной нормой, но и общим достижением.

Параллельно разворачивался и процесс разграничения и противопоставления себя «другим». Публичные реакции на закон «извне» ИТ-поля, часто конфликтные дискуссии по поводу того, *«чем айтишники лучше других»*, споры о том, провоцируют ли новые условия для сектора появления нового класса «избранных», также способствовало усилению чувства общности и самоидентификации внутри ИТ-сообщества.

Об ИТ как о сообществе на сегодняшний день говорит высокий уровень внутренней коммуникации, постоянные пересечения как в сетевом, так и оффлайновом режиме. Большое количество профессиональных и околопрофессиональных «тусовок», конференций, хакатонов, работа в коворкингах, ПВТ как место концентрации кампаний, «тяготение» небольших ИТ-компаний арендовать офисы близко или совместно — все это обеспечивает высокую плотность профессиональной и неформальной коммуникации.

Можно говорить о появлении специфических медиа ИТ-сообщества. В первую очередь это, конечно же, портал *dev.by*, который за последние два-три года трансформировался из *«ресурса для технарей»* в медиа, в повестке которого развитие сферы, вопросы корпоративной культуры и *life-style****, оценка трендов и процессов и интервью *«о жизни»* со значимыми в отрасли персонами. Значимую коммуникативную роль играют бизнес-клуб/стартап-хаб *Imaguru* и сайт *Bel.biz*. В 2019 году появилась серия подкастов *ITSTARTS*, также нацеленных на формирование коммуникации внутри сообщества, обсуждение трендов и возможностей, особенностей не только профессиональной, но и социальной, культурной, бытовой составляющей жизни стратаперов и айтишников. Это не считая блогеров, работающих специально на эти аудитории и групп, а также пабликов в соцсетях.

Формируются также особенности в деловой культуре и стиле жизни. Более-менее общие стандарты деловых отношений, корпоративной культуры *«с легкостью позволяют переходить айтишнику из компании в компанию»*. Имеется в виду, что при смене компании скорее всего стиль рабочих отношений и внутренней коммуникации будет схожим, что облегчает мобильность внутри сектора. Также обстоят дела и с образожизненными вещами. Понятно, что интересы и способы проведения свободного времени очень отличны, но «Октябрьская и Зыбицкая» плотно закрепились в восприятии как инфраструктура именно айтишного образа жизни.

Кроме того, отмечается и формирование неких общих запросов, интересов сообщества вне сферы бизнеса и профессиональных интересов. Наиболее ярким «застрельщиком» проявления таких интересов можно назвать кампанию *Andersen People*, которая стала организовывать «встречи с интересными людьми» за пределами профессиональной сферы. ИТ-сообщество обсуждает развитие инфраструктуры собственной жизни, в фокус интересов попадают вопросы возможностей вести желаемый образ жизни (инфраструктура развлечений и проведения свободного времени, обеспечение разных потребностей в культуре питания (вегетарианство и пр.), ЗОЖ), медицины, рынка жилья, образования.

*** Стиль жизни (англ.).

Однако к формированию четких публичных позиций, особенно по вопросам, имеющим политическое значение, сообщество явно не готово. Ярким примером служит тема угрозы российской аннексии Беларуси, активно обсуждавшаяся осенью-зимой 2019 года. Практически все, кто принял участие в нашем исследовании, говорили об «углубленной интеграции» с Россией как о явной угрозе ИТ-сектору и их бизнесу лично, причем было очевидно, что тема эта обсуждается внутри сообщества и рассматриваются разные варианты индивидуальных стратегий действий в ситуации дальнейшего «углубления». Однако публичное высказывание по этому поводу за все время позволил себе только Виктор Прокопеня²⁵, а также кампания *Andersen People*, опубликовавшая в декабре 2019 года негативный прогноз последствий «углубленной интеграции» с Россией для белорусского ИТ-сектора²⁶. Более того, когда по следам публикации этого прогноза портал *dev.by* разослал запросы в 32 другие кампании с просьбой высказаться по этому поводу, ответ был получен только от одной.

Тем не менее, на сегодняшний день можно говорить об ИТ-сообществе как о некоем «протоклассе», который возникает ситуативно в ответ на изменения в сфере труда, однако за счет плотности коммуникации, «выделенности» своего положения на общем социокультурном фоне и реакции социальной среды постепенно приобретает все более определенные «классовые» черты.

Новые «публики»

Еще одним феноменом последнего времени можно считать появление новых «публик». Относительно новым и динамично развивающимся в последние три-четыре года явлением стало развитие публичных пространств, которые, с одной стороны, выступают инфраструктурой развития культурной и социальной активности, а с другой — имеют собственные повестки и программы. В числе таковых, например, можно назвать пространства, сформировавшиеся в столице: Книгарня «Логвінаў», Галерея современного искусства «Ў», Культ. центр «Корпус», культурный хаб *OK16* и др. С некоторым отставанием этот тренд перекинулся и в регионы, в основном, конечно, в областные центры (в их числе: Центр «Кола» и инициатива «Центр городских инициатив» в Могилеве; Этнакрама «Цудоўня» в Гродно; пространство «Крылы халопа» в Бресте; Тайм-клуб «1387» в Бобруйске).

Со временем (во всяком случае, вокруг части таких пространств) появляются свои «публики». То есть, это не просто посетители отдельных мероприятий и ивентов, на которые люди приходят, исходя из своих тематических предпочтений, и не команды проектов, а люди, которые устойчиво следят за «программой» именно конкретного пространства, приходят на «дни рождения» или «субботники», используют возможности пространств для общения с друзьями, проявляют интерес к развитию самих площадок и т.п. Характеристики и устойчивость этих «публик» пока непонятны, они вообще улавливаются скорее по ощущениям, однако это довольно интересный тип новых городских сообществ, заслуживающий дополнительного исследовательского внимания.

²⁵ См.: Виктор Прокопеня об объединении Беларуси с РФ: что будет с экономикой в этом случае («Экономическая газета», 26.11.2018): <https://neg.by/novosti/otkryti/viktor-prokopenya-ob-obedinenii-belarusi-s-rf>.

²⁶ См.: «Минимум 50% резидентов ПВТ уйдут». Andersen сделали большой разбор «плюсов и минусов» интеграции с Россией (*dev.by*, 10.12.2019): <https://dev.by/news/andersen-ob-integracii>.

Таким образом, при несомненной проблематизации «старых» схем, так или иначе описывающих социальную структуру общества, на сегодняшний день мы не имеем возможности зафиксировать возникающие новые группы и отношения в структурных категориях, можем наметить только некоторые координаты, различия, которые присутствуют в восприятии социальных отношений. Это проявляется и в способах выстраивания самоидентификации, и в описании характеристик «других», проявляющихся во взаимодействии.

Социальная структура, по крайней мере в «прогрессивной» части общества, становится подвижной, на сегодняшний день можно фиксировать появление новых идентификаций («менеджер», «предприниматель», «коммуникатор»), а также формирование новых сообществ и «публик», которые формируются поверх устоявшихся представлений и традиционных социальных, профессиональных, производственных позиций.

Такая «текучесть» и «мобильность» всех социальных характеристик делает весьма проблематичным устойчивое и программируемое взаимодействие. Скорость и легкость в отношении к «собираению» и «пересобираению» коллабораций как основного типа организованности задает, с одной стороны, высокий темп реакции на изменения и внешнюю конъюнктуру, с другой — не предполагает устойчивости и преемственности. Особый вопрос, который здесь возникает, — это чем задается движение, определение приоритетов и прорывы в той или иной области: собственными установками и целями «инноваторов» или внешними условиями, трендами, процессами. В контексте поиска ответа на вопрос о возможности «обтекания» и развития страны в результате деятельности негосударственных субъектов важен также масштаб самоопределения и мышления «инноваторов» (глобальный, национальный, локальный).

3. Области динамичного развития и драйверы изменений

В концепции «трех миров» Владимира Мацкевича²⁷ возможность развития Беларуси ставится в зависимость от взаимодействия людей «первого мира», владеющих инновационным инструментарием, способным обеспечивать темп и первенство, и людей «второго мира», которые способны мыслить масштабами страны и «заземлять» глобальные тренды в локальных условиях так, чтобы это вело к развитию, а не к упрощению и технологической колонизации. Проблема состоит в нахождении взаимного интереса и понимания этих двух групп людей.

Беларусские «инноваторы» преимущественно довольно прочно «заземлены» в Беларуси. В первую очередь, это касается тех самых «коннекторов», успешность и смысл деятельности которых сильно завязан на личный социальный капитал, знание поля, большое количество контактов. Языковой и культурный барьер также имеет значение, которое повышается с возрастом.

«Привязанность» к Беларуси объясняется разным образом: это и привычные (и довольно комфортные для многих) условия, и укорененность «своего дела» в местном контексте, и *«патриотизм, в конце концов»*.

²⁷ См.: Владимир Мацкевич. Глобальное потепление после холодной войны (Летучий университет, 16.11.2017): <http://fly-uni.org/stati/globalnoe-poteplenie-posle-holodnoj-vojny/>.

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

В масштабах страны часто строятся размышления о проблемах. То есть, обсуждая насущные для своей деятельности проблемы, респонденты часто ссылаются на некие страновые факторы: уровень развития предпринимательской инициативы и культуру бизнеса, сложившуюся систему отношений власти, бизнеса и общества, культурный уровень и запросы, диспропорцию развития столицы и регионов, общие правовые рамки, уровень и характер культурных запросов, сложившуюся систему образования и профориентации и пр.

Соизмеряют свою собственную деятельность со страновым масштабом гораздо реже, хотя есть инициативы и субъекты, которые явно на это претендуют — в разных областях это: Ассоциация «Образование для будущего», программа культурных инициатив «Белгазпромбанка», запуск инициативы ИТ-университета при ПВТ и вклады в развитие фундаментальной науки Леонида Лознера. При этом единственным системным проектом для Беларуси, который направлен не на частный отраслевой аспект, а пытается предложить целостную перспективу развития, остается проект «ИТ-страны» Игоря Мамоненко. Можно было бы «по умолчанию» считать таковым ПВТ, однако на сегодняшний день непонятно, кто и каким образом задает стратегию его развития. Более того, высказывания и действия нынешних драйверов развития ПВТ позволяют представить его скорее как *«ИТ-страну в стране Беларусь»*, существование которой гарантируется особыми условиями и неопределенным образом связано с общим страновым контекстом.

Впрочем, нужно отметить, что представление о том, что ПВТ и ИТ — это ресурс, который должен задать новый вектор развития Беларуси, диверсификацию экономики и укрепить независимость страны в экономическом плане (прежде всего, от России), во всяком случае как идеологическая установка, довольно широко распространено среди активных игроков ИТ-сообщества. Разные игроки в сфере ИТ довольно часто подчеркивают важность сохранения суверенности Беларуси как фактора, который позволяет претендовать на высокие темпы развития и даже лидерство в региональном масштабе.

Непосредственная географическая близость к России как *«большому поставщику кадров»*, сравнительно легкие для адаптации специалистов из соседних стран социокультурные условия, относительная «дешевизна» жизнеобеспечения, высокий социальный статус айтишников в белорусском обществе, льготный режим работы ПВТ и при всем этом отсутствие западных санкций и геополитических потрясений, характерных для России, создают, по мнению многих респондентов, весьма выгодные условия для развития ИТ-отрасли, в том числе за счет привлечения в Беларусь специалистов из других стран.

Однако большинство деятелей в разных сферах, которые мы отнесли к «инновационному бизнесу», очень критично оценивают нынешнее положение Беларуси в мире инноваций и свое место в этом мире. По общему мнению, Беларусь хорошо если можно назвать «середнячком» в этом отношении, но скорее мы являемся маргиналами. И это не только объективные показатели развития, но и оценка состояния среды на сегодняшний день. Подчеркивается *«ориентация Беларуси на мировые рынки»* не только в технологиях, но и в культуре, образовании, моде. Беларусь, по мнению респондентов, является *«страной догоняющей»*, и если здесь и можно найти действительно собственные инновации, то это отдельные программные продукты.

Также трезво оценивается и инновационность собственных проектов, новизна которых чаще всего заключается в попытке словить глобальный тренд или укоренить какой-то подход или методику из глобального контекста в белорусской локальности.

В качестве негативных условий для инновационного развития подчеркивается *«исторический национальный характер»*, высочайшая инертность системы государственного управления и неспособность

к восприятию нового государственных чиновников, законодательные рамки. «Инновационная деятельность не поощряется ни государством, ни обществом» — примерно так звучит диагноз состоянию среды для инноваций сегодня.

В качестве позитивных факторов называются высокий уровень образования в отдельных сферах и человеческий капитал, а также наметившиеся в последнее время процессы *«выхода бизнеса из тени»*, потепление отношений государства к бизнесу.

Предсказуемо наиболее динамичной сферой, которая развивается в последние годы, называет широкая область практик, связанных с информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ). Иногда подчеркивается, что *«такое развитие, как в ПВТ, в Беларуси возможно только за счет исключений»*, т.е. при создании особых, «тепличных» условий, однако динамизм развития в сфере признается всеми. Нередко подчеркиваются вызовы, с которыми это развитие столкнется либо уже сталкивается (в первую очередь, нехватка кадров, *«сегодня — технических, но уже через год — гуманитарных»*), от способности ответить на которые будут зависеть дальнейшие перспективы отрасли. Есть еще один эффект такого диспропорционального развития (когда *«развивается только ИТ, все остальное деградирует»*) — нарастание социальной напряженности. Как проблема обозначается тот факт, что привилегированный статус айтишников создает новое социальное расслоение, что может привести к проблемам в будущем. Хотя, как отметил один из респондентов, *«беларусы, конечно, не любят айтишников, но мечтают выдать за них своих дочерей»*.

Одной из самых прогрессивных областей, в том числе и в области применения цифровых технологий, называется банковская сфера. Национальный банк очень активно сотрудничает с экспертами и бизнесами в области цифровых технологий в темах кибербезопасности, искусственного интеллекта, распределенных реестров и пр., при этом уровень и результаты этого сотрудничества оцениваются очень высоко.

Внутри ИТ одна из самых популярных и дискуссионных тем последних двух-трех лет — тема экосистемы стартапов и развития венчурного финансирования. Оценки результативности в этом поле довольно разные: от весьма оптимистических заявлений о том, что *«страна благоприятная, стартап-экосистема развивается динамично»*, до весьма критичных и в смысле темпов развития, и в смысле благоприятности условий.

С одной стороны, появление новых игроков в этой области — инвестиционной компании *Bulba Ventures* (2018), сообщества бизнес-ангелов *Angels Band* (2018), фонда *RBF Ventures* (был создан в 2016-м, но первые сделки состоялись только в 2018-м) — можно считать свидетельством развития. С другой стороны, объемы венчурных сделок и их количество, скажем так, не растут стремительно.

В 2018 году группа компаний *Bel.biz* провела исследование состояния стартап-экосистемы Беларуси²⁸. По итогам 2017 года исследователи насчитали более 1000 компаний-стартапов. Кроме «портрета» среднестатистического белорусского стартапа и попытки оценить потенциальную инвестиционную емкость, в исследовании также отмечены наиболее актуальные проблемы для экосистемы развития стартапов. Среди

²⁸ См.: **Стартапы Беларуси**. Отчет по итогам исследования в рамках проекта *AID Venture* по развитию венчурной экосистемы Беларуси при поддержке Агентства США по международному развитию (USAID) (*Bel.biz*, 2018): https://bel.biz/wp-content/uploads/2018/11/STARTUPS_OF_BELARUS_WEB.pdf.

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

таковых названы: трудности нахождения инвестиций на ранних стадиях, отсутствие крупных инвестиционных фондов, неадекватность юридической базы и экономических механизмов.

Учитывая, что спустя два года после проведения этого исследования продолжает обсуждаться проблема раннего финансирования стартапов, необходимость инкубаторов и акселераторов, совершенствования законодательства для развития венчурного финансирования в Беларуси²⁹, можно заключить, что эта инфраструктура развивается довольно медленно.

Результаты интервью с респондентами нашего исследования подтверждают, что венчурные инвестиции в Беларуси развиваются очень проблемно. И проблемы не только в законодательных рамках и других внешних по отношению к системе условий. Инновационные проекты требуют финансирования с большим уровнем риска, без гарантий прибыли. Особенно это касается технологических инноваций. Те, кто озабочен экосистемой стартапов, первейшими задачами называют построение доверительных отношений между инвесторами и инновационными предпринимателями, образование, привлечение опытных зарубежных игроков, обмен инструментарием, юридическими и техническими шаблонами.

Динамичные изменения отмечаются в области современной культуры и ее потребления: деятельность программ, типа программы ЕС «Креативная Европа», появление слоя культур-менеджеров, развитие культурных пространств и появление у них своих аудиторий, рост количества и разнообразия фестивалей, выставок, практика финансирования культурных проектов и продуктов через краудфандинг.

Определенные процессы отмечаются в сфере медиа, отрасль перестала быть «закрытой» и мировые тренды проникают в белорусские медиа сегодня гораздо легче, чем 10 лет назад. Отмечается развитие в сфере продвижения, что также отвечает основным процессам в глобальном масштабе. Сфера продвижения в Беларуси достаточно «живая и меняющаяся», начиная от традиционной рекламы до пиара, брэндинга, маркетинга, СММ и пр. Возможно, в объективном выражении она развита гораздо меньше, чем в европейских странах, но динамика очевидна.

Еще одна область, где отмечается развитие (однако чаще всего говорится о проблемах в ней), это сфера образования. Много говорится о развитии неформального образования, дистанционных форм, есть ряд довольно масштабных и амбициозных инициатив, связанных с образованием, однако образование в целом называется на сегодняшний день чуть ли не самой проблемной областью.

Эта «проблемность» исходит из двух разных запросов. Первый запрос — отраслевой. Для инновационных отраслей нужны соответствующие кадры, чаще всего, конечно, речь идет о компетенциях, необходимых для развития ИКТ-отрасли. Айтишники же первыми сами и озаботились подготовкой таких кадров, однако эта задача слишком сложна для того, чтобы решить ее силами отдельных кампаний. Безусловно, основным явным игроком здесь является Ассоциация «Образование для будущего» и ее программа по открытию *STEM-центров** в белорусских школах. Несмотря на имеющиеся успехи и амбициозные планы (в 2019 году

²⁹ См.: Татьяна Гапеева. «Есть деньги и стартапы, но не хватает правильной инфраструктуры». В *Imaguru* говорили, что нужно для развития венчурного финансирования в Беларуси (*Bel.biz*, 07.02.2020): <https://bel.biz/ecosystem/bventure-itogi-2019-goda-2/>.

* *STEM* (аббревиатура складывается из начальных букв слов: *Science, Technology, Engineering, Math*, т.е. «наука», «технологии», «инжиниринг», «математика») — это учебная программа, основанная на идее обучения студентов по четырем конкретным дисциплинам, используя междисциплинарный и прикладной подход. Вместо того, чтобы

Ассоциация планировала открыть 100 новых центров), результаты таких программ не появляются так быстро. В этом же направлении работает *IT Princess Academy*, обсуждается возможность создания ИТ-университета в ПВТ, вводятся новые программы и специальности в белорусских вузах.

В 2018 году по заказу Ассоциации «Образование для будущего» было проведено исследование *STEM*-подхода в образовании³⁰. Рекомендации по развитию этого направления в Беларуси включали повышение интенсивности коммуникаций и продвижение представлений о *STEM*-образовании, поддержку инициативы и свободы в практике педагогов и учеников, переподготовку педагогов и вовлечение в образование практиков, исследователей, инженеров, необходимость концептуальных, методологических и методических разработок, поиск нового содержания и моделей организации образования, поиск межпредметного содержания и способов его передачи.

Однако концептуальной и методологической работы по вопросам «нового образования» в Беларуси по-прежнему очень мало, как и исследований в этой области, рефлексии уже разворачивающихся экспериментов и инициатив.

Второй тип проблемности, связанной с образованием, исходит из личных мотивов. И «новый средний класс» айтишников, и более широкий круг людей, живущих в реальности, несколько параллельной доминирующему в Беларуси образу жизни, становятся озабоченными образованием для собственных детей. И если достаточный уровень материального благосостояния сегодня позволяет вполне сносно обеспечивать свои потребности в проведении свободного времени и удовлетворении культурных потребностей, жилье, медицине, то со школьным образованием все сложнее. Частные школы и детские сады появляются, однако их мало и условия для их деятельности не очень благоприятные. Государственная же система школьного образования выглядит для этих слоев крайне непривлекательной, как с точки зрения качества образования, так и в смысле педагогической культуры и типа социальных отношений в белорусских школах.

Таким образом, мы можем обозначить ряд областей — ИКТ, банковская сфера, стартап-индустрия, культура, медиа, образование, — которые сегодня характеризуются более динамичным развитием. Однако условия развития в этих областях создаются не установками действующих в них игроков, т.е. собственно самих «инноваторов», а внешними факторами разного масштаба. Об этом свидетельствуют характер описания развития сфер, видение проблем и факторов, влияющих на это развитие. Динамичность развития задается либо созданием более свободных условий для деятельности государственными структурами (ПВТ, стартап-экосистема), что в белорусской ситуации моментально «стягивает» общественные ресурсы в ту область, которая характеризуется большей свободой, либо действием глобальных трендов и потребностей мировой инфраструктуры инноваций (банковские и финансовые технологии, культурные индустрии, образование).

преподавать четыре дисциплины как отдельные предметы, *STEM* объединяет их в единую парадигму обучения, основанную на реальном практическом применении (прим. ред.).

³⁰ См.: Татьяна Водолажская, Татьяна Коваленок, Дина Король, Алена Мельченко. *STEM-подход в образовании* (Ассоциации «Образование для будущего», 2018): <http://edu4future.by/article/rezultaty-issledovaniya-stem-podhod-v-obrazovanii>.

Выводы и обобщения

Пространство взаимодействия для «инноваторов» из разных секторов белорусского общества выглядит ограниченным. Эта ограниченность связана с содержанием представлений самих «инноваторов» о мире, стране, социальной структуре общества, масштабе деятельностных устремлений, самоидентификации и других акторах.

Беларусь, за редким исключением, не воспринимается как целостный объект приложения усилий, а скорее выступает удобным пространством для жизни и, до определенной степени, местом реализации своего дела. Для инновационного бизнеса пространством целеполагания выступают регион или мир, в которых Беларусь располагается на периферии. Страна возникает в представлениях в связи с различными препятствиями, проблемами, неудобствами в реализации их деятельности. Белорусские «инноваторы» захвачены инфраструктурой мировой инновационной экономики, но сами по себе не являются ни людьми «первого мира», ни людьми «второго мира», ориентированными на национальный масштаб. В большей степени о них можно говорить, как об «авангарде третьего мира», где вовлеченность в мировую инфраструктуру сочетается с локальным самоопределением, где национальное представлено лишь как контекст и набор условий. Соответственно, и установка на изменения или развитие представлена в отношении этих условий, а не в отношении страны. Даже такие большие сферы, как образование, воспринимаются не как система воспроизводства общества, а как источник кадров для отрасли или место для образования своих детей.

Представителям новой цифровой индустрии присуща своеобразная социальная слепота и ограниченность социальной рефлексии. Белорусское общество не описывается в терминах групп, классов или секторов, так же как и собственное социальное место чаще всего не описывается через принадлежность к какой-либо социальной группе. Общественная иерархия не рефлексивируется в терминах влияния или значимости социальных групп (либо респонденты уходили от таких рефлексивных констатаций), отмечается лишь высокая социальная статусность группы чиновников и политическое доминирование государства в целом. Однако при отсутствии четкой структурированной картины общества существуют несколько ключевых различий, которые используются для понимания, описания и ориентации в социальной среде. Такими «структурными координатами» для различения выступают:

- **Человеческие качества** (личностно-психологические установки людей). Все общество разделено на две группы: «прогрессивные люди» (активные, самоактуализированные «селф-мэйд-мэны»^{*} (15-25%) и «консервативные люди» (остальная часть общества неамбициозных, консервативных, идущих на поводу у социальной среды людей (75-85%);
- **Разделение на государственное и негосударственное.** Первое (государственное) воспринимается как консервативное и неспособное к развитию, а второе (негосударственное) — как область, где возможно развитие;
- **Разделение на Минск и регионы,** где Минск драматически опережает остальную страну по всем параметрам, необходимым для развития.

^{*} Люди, сделавшие себя сами (англ.).

В таком разделении пространством поиска ресурсов для развития (или иначе — социальным местом, из которого возможна деятельность по развитию) выступает прослойка активных людей, сконцентрированных в Минске и за рамками государственной системы. При очевидной узости этого пространства, оно слабо дифференцировано. В частности, «негосударственное» если и включает представления об организациях гражданского общества, то лишь в качестве низовых локальных инициатив, позитивно влияющих на улучшение жизни людей. Гражданское общество не представлено как набор акторов и субъектов, не воспринимается как источник идей, знаний или программ развития. Соответственно, для представителей инновационной экономики «значимые другие» из общественного сектора не представлены или, по крайней мере, они не различимы в социально-деятельностном смысле и сливаются с общим фоном «прогрессивных людей». В этот фон включаются такие группы, как «айтишники» и «молодежь», но в них также не выделяется никаких действующих субъектов.

Соответственно, невидимость других акторов для представителей инновационного бизнеса делает гипотезу взаимодействия между общественным сектором и инновационным бизнесом в обход государства («обтекание») слабо реализуемой практически.

Однако сами представления о белорусском обществе и социальности как таковой переживают значимые трансформации. Особенно ярко это проявляется в способах выстраивания идентификации и функциональных описаниях собственного социального места. Структурные и институциональные описания общества, ранее выстраиваемые через принадлежность к профессиональным и социальным группам, уступают место индивидуализированным характеристикам. Не столь важно, в каком секторе, сфере деятельности или профессиональной нише находится человек, для выстраивания взаимодействия с другими важны личные качества, характеристики и компетенции человека. Точно так же собственная идентичность характеризуется не через социально-групповую принадлежность, а через набор разных идентичностей, которые собирает на себе индивидуальный человек (назовем это «мультиидентичностью»). **Идентификация с профессиональными или институциональными группами трансформируется в идентификацию с «проектами», а основным способом взаимодействия становятся «коллаборации» — изначально временные объединения разных субъектов для достижения конечных задач.** Отсюда возникает функциональный подход к самоидентификации, когда важным становится характеристика своего типа мышления и образа действия: не кто ты такой, а как ты действуешь, какова твоя функция в «коллаборации». Среди таких функциональных типов самоидентификации, собирающих разные идентичности человека, чаще всего появляются «предприниматель», «менеджер» и «коммуникатор».

Социальная структура, по крайней мере, в «прогрессивной» части общества, становится подвижной и представленной временными «коллаборациями», организованными на проектной основе. «Предприниматели» выступают инициаторами, руководителями и сборщиками ресурсов для запуска и реализации проектов, «менеджеры» выполняют функции организации и управления процессами в «коллаборации», а «коммуникаторы» осуществляют связь участников «коллаборации» между собой и самой «коллаборации» с другими внешними проектами. Деятельность «коммуникаторов» становится связующим элементом социальной ткани, где они, всегда осуществляя деятельность на границах разных проектов, способны обеспечивать «перевод» с одного языка на другой и обеспечивать постоянное воспроизводство «коллабораций». Это пограничное существование «коммуникаторов», как и их связующая функция перевода, видимо, переносит основной «вес» вопроса социальной организации в плоскость коммуникации. Возможность или невозможность формирования «коллабораций» между инноваторами определяется структурой и конфигурацией дискурсов. Границы социальных образований определяются

границами распространения «языков», социальная дистанция выражается в близости «языков» друг к другу, а движение социальной структуры определяется направлением и легкостью перевода.

В этом смысле, объяснимой становится эволюция становления айтишников как проявленного сообщества с последовательным формированием и развитием инфраструктуры коммуникации: от собственных особых мест и площадок коммуникации, специфических форм ее организации (хакатоны, митапы и т.д.) до собственных медиа и отдельной организации досугового общения. Развитие узкогруппового сленга программистов до более инклюзивного «языка» айтишников способствует самосознанию последних как группы (насколько мы можем сейчас говорить хоть о каких-то группах). «Публики», складывающиеся вокруг разного рода креативных пространств и «хабов», представляют типологически тот же феномен: их относительная устойчивость объясняется их погруженностью в господствующий дискурс того или иного пространства.

Направление перевода (с какого-то «языка 1» и на какой-то «язык 2») задает направление социального притяжения, а различие языков задает групповую дистанцию. Государство и его границы также выражены господством определенного языка. Этот государственный язык, наделенный признаком власти, находится дальше от языка общественников, который в свою очередь вызывает к государству в терминах должностования («государство должно быть таким-то и таким-то»), но ближе к языку бизнеса, который не предписывает государству, а соблазняет его риторикой общих интересов. «Инноваторы» общественного сектора дальше от государства, чем «инноваторы» из бизнес-среды, из-за расстояния между языками, но не только. Конфигурация социальной иерархии и возможность сокращения дистанции устанавливается желательным направлениям перевода: с государством и бизнесом нужно разговаривать на их языке, но никто не стремится изучать язык НГО-шников. Складывается асимметрия перевода, где с государством на его языке говорят и бизнес, и НГО; с бизнесом на его языке говорят общественники, но не государство; с НГО на их языке не говорит ни государство, ни бизнес. Это еще раз, но уже по-другому, проблематизирует возможность межсекторного взаимодействия и стратегии «обтекания». В такой структуре взаимных коммуникативных притяжений государственный язык будет ассимилировать бизнес-язык и язык общественников, а бизнес-язык — ассимилировать язык НГО. Во-многом так и происходит: бизнес если и имеет представления об НГО, то в основном через свои общественные инициативы, а НГО все больше коммерциализируется и объясняет свою деятельность в терминах услуг. Государственный дискурс подавляет другие языки, но не способен окончательно вытеснить их лишь ввиду «лингвистической автономии» этих языков и их транснационального характера.

Итак, если говорить о «картине мира» или, точнее, «картине белорусского общества», то мы видим не столько новые группы или структуры, но скорее новые «подходы» к тому, как смотреть и видеть общество:

- в системе ориентации используются скорее координаты, чем четкая структура;
- важным становится состояние «между» и постоянное движение;
- группы («айтишников», новых «публик») выделяются как маркеры принадлежности к определенному языку и способу коммуникации (даже не по профессии или роду деятельности);
- «публики» проявляются как «устойчивые» формы социальности и связаны с дискурсами публичных пространств;
- движения социальной ткани подчинены движению языков и направлению перевода;
- существенную роль в организации связи играют «коммуникаторы», действующие на границе социальных сред и языков.

Такая ситуация подталкивает к поиску иного способа размышлений о кооперации разных акторов по поводу общественного развития и изменений в Беларуси. Следует скорее переносить акцент с поиска субъектов развития в разных секторах и выстраивания межсекторной кооперации на поиск способов взаимопроникновения языковых сред. В последних могут складываться «коллаборации» проектного типа, которые необходимо выводить на площадки, где формируются новые «публики». Работа с «коммуникаторами» и само уплотнение коммуникативной среды становится одним из ключевых элементов.

Тематические сферы, которые выделяются респондентами как потенциальные сферы для инноваций и развития, также имеют свою специфику. Создается впечатление, что называемые области — ИКТ, банковская сфера, стартап-индустрия, культура, медиа, образование — называются как области, где что-то сегодня динамично происходит. Но заметное там движение не связано с установками на развитие самих этих сфер, развитие мыслится локально, а не национально. Несколько большие возможности в этих сферах появляются либо как результат временной свободы деятельности в этих областях (Парк высоких технологий, стартап-экосистема), либо как результат привнесения в Беларусь глобальной моды (банковские и финансовые технологии, культурные индустрии), либо как давление потребностей растущих индустрий, связанных с глобальной инфраструктурой инноваций (образование для ИТ). В короткой перспективе возможно использование динамики в этих сферах для продвижения общественных изменений. Однако возможность закрепления, накопления и устойчивости таких изменений всегда будет оставаться под вопросом.

Об авторах

Андрей Егоров — старший аналитик Центра европейской трансформации, магистр политических наук. Окончил отделение политологии и магистратуру по специальности «Политология» Белорусского государственного университета. В области политических исследований работает с 2001 года. Фокус исследовательских интересов: трансформация постсоветского пространства, гражданское общество, политические трансформации в Беларуси и регионе Восточного партнерства, европейские исследования.

Оксана Шелест — старший аналитик Центра европейской трансформации, кандидат социологических наук (*PhD*). Окончила отделение социологии Белорусского государственного университета, аспирантуру Института социологии Национальной академии наук Беларуси. Работала в Институте социологии НАН Беларуси: руководила сектором методики и практики оперативных исследований, занимала должность ученого секретаря, возглавляла отдел технологий социологических исследований. Является экспертом аналитической группы Агентства гуманитарных технологий. Лауреат Премии Международного Конгресса исследователей Беларуси в номинации «Социальные и политические науки» (2013).

Татьяна Водолажская — старший аналитик Центра европейской трансформации, кандидат социологических наук (*PhD*). Окончила отделение социологии Белорусского государственного университета. В области гуманитарных исследований работает с 1996 года: вначале — как научный сотрудник Института социологии Национальной академии наук Беларуси, затем — как эксперт аналитической группы Агентства гуманитарных технологий. Фокус исследовательских интересов: методология гуманитарных и социальных исследований, национальная и гражданская идентичность, развитие локальных сообществ, гражданское общество, культурная политика и политика в области культуры.

EUROBELARUS

ЦЕНТР ЕВРОПЕЙСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

«Инновационный бизнес» как фактор социальных трансформаций в Беларуси

Отчет по результатам исследования

Авторы: **Андрей Егоров**
Оксана Шелест
Татьяна Водолажская

Редактор и корректор: **Андрей Шутов**

Оформление: **Андрей Шутов**

Международная неправительственная организация «ЕвроБеларусь» — некоммерческая организация, ведущая свою историю с 2007 года, основным полем действий которой является Беларусь, а основной целью — стимулирование и поддержка проевропейского развития Беларуси как полноправного субъекта европейских отношений на всех возможных уровнях.

Центр европейской трансформации (ЦЕТ) — независимый белорусский *think-tank*, учрежденный Международной НПО «ЕвроБеларусь» в марте 2010 года.

Международная неправительственная организация «ЕвроБеларусь»
Вильнюс, Литва

eurobelarus2009@gmail.com

eurobelarus.info

+370 63669149

Центр европейской трансформации
Минск, Беларусь

cet@eurobelarus.info

cet.eurobelarus.info

+375 29 6185388